

ЦВЕТАЕВА И РОЗЫГРЫШ

«Уже не смеется». (Надпись на моем кресте.)
*Марина Цветаева*ⁱ

Цветаева и жизнетворчество. Творчество Марины Цветаевой предоставляют обширное поле для изучения специфических форм поведения и оригинальных литературных стратегий. И. Д. Шевеленко выделяет в эволюции Цветаевой периоды осознанного «дилетантизма», профессионализации, деклассированного самоопределения, ретроспективной «феодализации» своего облика и т. д.ⁱⁱ. В ряде работ затрагиваются проблемы гендерной и локально-национальной идентичности Цветаевой («немка», «полька», «москвичка», «эмигрантка / неэмигрантка» и т. д.ⁱⁱⁱ), ее сложные взаимоотношения с литературными группировками, имитация всех основных направлений^{iv}. Самоидентификация Цветаевой в лирике рассматривалась широко на лингвистическом уровне^v, и углубленно — в аспекте наиболее ярких ролей и амплуа (Психея, Федра, Марина Мнишек и т. д.). Работы, посвященные теме «Цветаева и театр», касаются также театрализации и карнавализации ее бытового поведения, включая маргинальные жизнетворческие программы: «хлыстовство», «юродство», эпатаж и т. д.^{vi}. Исследовалась морально-этическая проблематика жизнетворчества Цветаевой, прокламируемое ею «спартанство»^{vii}, а также нетривиальные способы создания Цветаевой своего имиджа, включая и моделирующие возможности композиции авторских книг, как это было в книге «Версты I», где основной адресат, Н. А. Плущер-Сарна, оказался заслонен А. А. Блоком и А. А. Ахматовой^{viii}. В настоящей работе мы сосредоточимся на одном из проявлений игрового поведения Цветаевой — на ее розыгрышах, отчасти отраженных в ее прозе и косвенно — в лирике.

Цветаева и комическое. Мир Цветаевой крайне иерархизирован и вытянут по ценностной вертикали. Поэтому все виды «высокого», патетика бросаются в глаза, а «низкое» скрадывается в общей перспективе. К низкому относятся и разнообразные формы комического, богато представленные у Цветаевой, но обычно поглощаемые общим «возвышенным» впечатлением. Именно поэтому сфера комического в творчестве Цветаевой стала привлекать внимание лишь недавно^{ix}. Было бы плодотворно привести в обсуждение этой темы лотмановский подход. Для Ю. М. Лотмана принципиально, что художественное мышление возникает в поле напряжения между конкурирующими смыслами и способами их выражения. Эта концепция корреспондирует с «гераклитовскими» идеями, усвоенными Цветаевой в юности^x. Цветаева придерживалась модернистской философии мгновения, требующей быть честной и адекватной в каждый данный момент существования, невзирая на возникающие при этом противоречия^{xi}. С этой точки зрения, нет необходимости сводить в одну непротиворечивую систему все высказывания Цветаевой о радости и грусти, правде и лжи, комическом и трагическом.

Отношение к розыгрышам и мистификациям у Цветаевой менялось, и, хотя можно выявить какие-то тенденции, однородным не было никогда. В пятнадцать лет она писала Петру Юркевичу: «Как мало у нас смеха, только Ася вносит оживление своими отчаянными выходками. <...> Удивляюсь как Вы меня не пристукнули, когда я рассказывала Соне в смешном виде Андреевскую Марсельезу»^{xii}. Имеется в виду не спланированная акция, а притворство *ad hoc*, зачастую предполагающее немедленное разоблачение, как и в шутовском пассаже из письма к М. А. Волошину (5 января 1911): «Один мой знакомый семинарист (Вы чуть-чуть знаете его) шлет Вам привет и просит Вас извинить его...»^{xiii}. Семинаристом Цветаева именует себя из-за того, что Волошин сравнил ее с римским семинаристом, увидев ее обриту голову.

Позднее Цветаева отрицала свою готовность участвовать в волошинских мистификациях, но на примере Черубины де Габриак приветствовала мистификацию как проявление мифотворчества и средство не обмана, а самореализации художника. При этом Цветаева очень болезненно отнеслась к шутке Ремизова, который приветствовал ее появление в Париже газетным розыгрышем. В чем же принципиальная разница?

В том, что мистификации Волошина имели характер «возвышающего обмана», в них не было ничего обидного. Можно было бы назвать эту модель «Алые паруса» (по аналогии с известным рассказом А. Грина) или, например, «дед Мороз». Идейным основанием для такого поведения могла служить не столько мистическая практика символистов, сколько идеи А. С. Пушкина, А. Франса^{xiv} и отчасти даже М. Горького (в интерпретации В. Ф. Ходасевича), для которых «ложь» могла быть оправдана как позитивный психологический стимул.

Цветаева и мистификации. В речи Цветаевой и ее окружения слова «розыгрыш» и «мистификация» чаще всего использовались как синонимы (хотя в розыгрыше структурным элементом является разоблачение, которое для мистификации факультативно). И позднее в исследовательской литературе отношение Цветаевой к розыгрышам выявлялось преимущественно на примерах ее высказываний о мистификациях М. А. Волошина и А. М. Ремизова.

Известно, что Цветаева резко отреагировала на анонимную мистификацию Ремизова в газете «Последние Новости». Она писала редактору газеты Андрею Седых 12 ноября 1925 г.: «В № 1704 “Последних Новостей” (четверг, 12 ноября) в отделе “Календарь писателя” значит, что я приехала в Париж на постоянное жительство, редактирую журнал “Щипцы” и что в № 1 этого журнала начнет печататься афористическая повесть Степуна “Утопленник”. 1) В Париж я приехала не жить, а гостить 2) мало того, что я журнала “Щипцы” не редактирую — такого журнала вовсе не существует 3) так же как афористической повести Степуна “Утопленник”. Всю заметку, имеющую целью одурачить газету, читателя, Степуна и меня, прошу считать измышлением одного из местных остроумцев, которого бы просила подобных шуток не повторять. Можно шутить с человеком, нельзя шутить его именем»^{xv}.

К волошинским мистификациям (и прежде всего — к образу Черубины де Габриак) она отнеслась гораздо более благосклонно, но ретроспективно дистанцировалась от них: «Максимо мифотворчество роковым образом преткнулось о скалу моей немецкой протестантской честности, губительной гордыни всё, что пишу, — подписывать»^{xvi}. В действительности, Цветаева участвовала в коктебельских розыгрышах, по крайней мере в тех, которые не были связаны с печатными публикациями. Так, она разыграла собственную сестру Анастасию, выдав своих новых знакомых, Сергея Эфрона и двух его сестер, за Игоря Северянина, Марию Паппер и немую, но ревнивую испанку Кончитту^{xvii}. 26 июля 1911 г. Цветаева обещала Волошину: «<...> если тебе когда-нибудь понадобится соучастник в какой-нибудь мистификации, позови меня... Если она мне понравится, я соглашусь»^{xviii}.

Пока мы не можем привести примеров дальнейшего участия Цветаевой в розыгрышах Волошина, но зато известно, что Волошин принял участие в одной из цветаевских мистификаций, если считать таковой домашнее издательство С. Я. Эфрона «Оле-Лукойе», под маркой которого вышло четыре книги трех авторов, включая Цветаеву и Волошина. Вопреки распространенному убеждению, отнюдь не Волошин привил вкус Цветаевой к мистификациям и розыгрышам, он только придал этому вкусу более тонкую огранку.

Маска «дурочки». К эксцентрическим выходкам с элементами розыгрыша Цветаева была склонна с детства. В частности, прибегала к маске «дурочки», попав в непривычную обстановку или под давлением ситуации, с которой не могла справиться иным образом. Несколько примеров. Четырехлетней Мусе в гостях запрещено брать мелкие вещи со стола, она отвечает тем, что берет из-под стола огромный стул и начинает

таскать его по комнатам: «Уже замужем, мама познакомилась с женой инженера путей сообщения Сытенко, Надеждой Александровной. <...> И мама выбрала ее в крестные Мусе. <...> Изредка мы бывали у них. Волшебные комнаты со шкурами зверей, летающими птицами, с зимним садом. “Муся, — сказала мама, — ничего не бери со столов, не трогай, не урони мелочей”. Вскоре Муся молча, еле дыша от натуги, перетащила через комнату тяжелое кресло. На всеобщее удивление она отвечала, что мама запретила ей трогать мелочи»^{xix}.

Ср. описание того же эпизода в повести С. Я. Эфрона «Детство»: «Ну, иду, рассматриваю вещи, ничего не трогаю. Вдруг — кресло. Раз оно не на столе, его можно трогать. <...> Ташу через все комнаты, — раскраснелась, запыхалась. Ставлю прямо перед мамой. “Ты зачем его принесла?” — “Оно не на столе было”»^{xx}.

Маска «дурака» выражается не замедленным пониманием, а в «неправильном» (зачастую — логически безупречном) истолковании распоряжений высшей инстанции. Так ведет себя в народной сказке Жихарка, который никак не может правильно сесть на лопату, поэтому его не удается посадить в печь, так что цель его антагониста (Бабы Яги) терпит крах, несмотря на внешнюю услужливость героя.

Позднее маска «дурочки» нередко разыгрывалась Цветаевой на пару с сестрой Анастасией. Когда их обеих просят поиграть в четыре руки для В. Ф. Джунковского, девочки играют гаммы под громкий счет: «Начинаем. У меня: в правой руке ре, в левой до (я в басах). У Аси — в левой руке ре, в правой до. Идем навстречу (я слева направо, она справа налево). При каждой ноте громогласный двуголосный счет; раз и, два и, три и... Гробовое молчание. Секунд через десять неуверенный голос отца:

— Что это вы, господа, так монотонно? Вы бы что-нибудь поживее выбрали.

В два голоса, не останавливаясь:

— Это только сначала так.

Наконец, моя правая и Асиная левая — встретились.

Встаем с веселыми лицами.

Отец — Д<жунков>скому: “Ну, как вы находите?”

И Д<жунков>ский, в свою очередь вставая: “Благодарю вас, очень отчетливо”»^{xxi}.

По рассказу А. И. Цветаевой о встрече сестер в Париже в 1927 г., можно заключить, что игра в «дурочек» повторялась регулярно. Один из эпизодов был связан с К. Д. Бальмонтом: «— А он помнит первый приход к тебе в Борисоглебский? Когда мы его разыгрывали. Представились дурочками.

— Помнит!

— А он понял, что мистификация?

— Может, и понял. А может, почуял что-то. Уходя, он же сказал — помнишь? — <...> “Мне здесь понравилось! Я буду приходить в этот дом”»^{xxii}.

Уже после инцидента с Ремизовым Цветаева позволяет себе посмеяться над героями своих прежних эпистолярных романов. С одним из них, А. В. Бахрахом, в момент первой очной встречи она беседует о кровяной колбасе, забыв обо всех «высоких материях», занимавших ее во время переписки: «— А это, что Вы едите, кровавая колбаса. Она очень полезная: сгущенная кровь. В этом кусочке, напр., — правда интересно! — целая бочка крови, конечно не бочка, но вроде. Между прочим, ее покупают на метры — здесь два — но она когда жарить сильно садится, так что нужно покупать три. Здесь как раз бойни, очень удобно.

А. Б. — Гм...

И т. д. — повышенно-деловито и участливо, точно в ответ на его подробные расспросы, точно весь он, А. Б., от этого будэна зависит (так человеку хором объясняют как лучше проще быстрее пройти туда-то, где он в 3 ч., скажем, непременно должен быть). Словом, с колбасы не съехали»^{xxiii}.

Другого своего корреспондента и бывшего возлюбленного, хорошо ей памятного, она никак «не может вспомнить»: «— Вы?! Господи! Ради Бога, простите, но я так

близорука, и так плохо помню лица, и мы с вами так давно не виделись, и Вы тогда были с усами...

— Я — с усами? Но я никогда в жизни не носил усов!!

— Быть не может. Я отлично помню: с черными усиками, щеточкой.

— Но уверяю Вас, что я никогда в жизни...

Тут вступаются окружающие: — М. И., Вы перепутали, Вы его с кем-то другим спутали, он действительно никогда не

— Странно. Я отлично помню. Вот такие маленькие, щеточкой.

Г<елико>н, с отчаянием: — Большие или маленькие, щеточкой или как у Вильгельма — я *никогда* не носил усов!

— Ну, я Вам верю. Только странно: отлично помню: маленькие черные усики. Или — стойте, стойте! — или это было пэнснэ? Вообще что-то было — чего нет — да, наверное пэнснэ, а те усики щеточкой — это были брови... Должно быть так... Но — как странно.

— Действительно — странно.

Оскорбленный — отходит»^{xxiv}.

Эпистолярная любовь. По этим примерам видно, что в розыгрышах Цветаевой повторяются три устойчивых момента: некая пороговая ситуация (узнавание-неузнавание), потенциальный любовный сюжет и ассоциация любви с перепиской.

Все это присутствует в известной по мемуарам ситуации, когда юная Цветаева из Крыма посылает сентиментальное письмо брату одноклассницы, о котором она прежде никогда не слышала (Т. Астапова, «В нашем классе...»): «Помню еще, как Цветаевой захотелось выкинуть какую-нибудь забавную шутку. “У кого есть старший брат?” — спросила она. “У меня”, — сказала я. “Как его зовут?” — “Борис”. — “Сейчас я напишу ему открытку с дороги”. И она тут же, поглядывая временами в окно, написала моему брату письмо в духе наивной, восторженной гимназистки. “Милый Боря!” — начала она, а дальше было что-то о необъятном просторе, о селах и деревушках, живописно раскинувшихся среди полей и нив, о маленьких беленьких домиках, утопавших в кудрявой зелени»^{xxv}.

Примерно тогда же она посылает письмо и в «Брачную газету», о чем вспоминала ее старшая сестра В. И. Цветаева: «Как-то вечером отец, возвращаясь домой, видит: дворник настойчиво выпроваживает кого-то со двора.

— Кто это? В чем дело?

Оказалось, Марина дала объявление в “Брачную газету”, что требуется жених, указав при этом свой адрес. Делалось это дурачась, мистификации ради»^{xxvi}.

Один из последних известных нам розыгрышей Цветаевой также связан с перепиской. Свое письмо Р. М. Рильке от 7–8 мая 1926 г. Цветаева датирует 9–10 мая и пишет о полученных книгах (здесь и далее – перевод К. М. Азадовского): «Я их еще не раскрывала, иначе это письмо не уйдет сегодня — а оно должно лететь»^{xxvii}. Письмо «прилетает» в «тот же» день, и Рильке, разумеется, поражен, но затем он замечает дату на штемпеле и обыгрывает все это в ответном письме от 10 мая 1926 г.: «<...> неужели Вы только что были здесь? Или: где был я? Ведь десятое мая еще не кончилось, и странно, Марина, М а р и н а, что над заключительными строками Вашего письма (вырвавшись из времени, совершив рывок в то неподвластное времени мгновение, когда я читал Вас) Вы написали именно *это* число! Вы считаете, что получили мои книги десятого (отворяя дверь, словно перелистывая страницу)... но в тот же день, десятого, сегодня, вечное Сегодня духа, я принял тебя, Марина, всей душой, всем моим сознанием, потрясенным тобою, твоим появлением, словно сам океан, читавший с тобою вместе, обрушился на меня потопом твоего сердца»^{xxviii}.

«Смеяться когда нельзя». Известно афористичное признание из раннего стихотворения Цветаевой «Идешь на меня похожий...» (1913): «Я слишком сама любила // Смеяться когда нельзя»^{xxix}. Признание это имеет гораздо больше конкретного

автобиографического смысла, чем может показаться на первый взгляд. На наш взгляд, оно характеризует и те особенности игрового поведения юной Цветаевой, от которых она позднее дистанцировалась.

Так, по воспоминаниям Е. Кривошапкиной, юмор молодой Цветаевой нередко шокировал: «<...> задумчивой и тихой я редко ее видела. Насмешки, подтрунивание были так ей свойственны, что это иногда становилось неприятным. Ее шутки казались легкомысленными и неосторожными. <...> Весной у Сергея Яковлевича обострился процесс в легком. Ему так стало плохо, что на экзаменах он отвечал, сидя на стуле. Я слышала, как она сказала: “Ну, на последний экзамен вы пойдете с комфортом, отвезу вас на катафалке”. <...> Летом в Коктебеле я как-то вошла на террасу, на которой художница Магда Максимилиановна Нахман писала портрет Сергея Яковлевича. Он лежал в шезлонге. Тут же, на полу, обхватив руками колени, сидела и курила Марина. Щурясь от дыма папироски, она сказала: “Сережа, закройте глаза”, а потом со смехом: “Какой симпатичный получается покойник”. Я, по наивности своих тогдашних лет, возмутилась и не могла понять, как эта женщина, которая пишет о “письме на розовой бумаге”, о “потонувших в заре голубых, как месяц, триремах”, может так грубо шутить»^{xxx}.

Заметим, что шутки на тему покойников позднее развились в полноценный макабрический розыгрыш, зафиксированный Цветаевой в своих записях. В записи от 31 мая 1920 г. (по ст. ст.) Цветаева конспектирует свой разговор с Н. Н. Вышеславцевым: «Встреча с НН. в саду. Мой лепет про покойника (выдумала вчера, всю ночь хохотала одна — вслух — до утра — не могла спать!»

— “НН, у меня есть к Вам маленькая просьба: у одной моей знакомой дамы умер муж, — и вот — ее выселяют с квартиры, не могли ли бы Вы взять его к себе — пока — потом, когда она найдет квартиру, она опять его возьмет...”

(Говорила, сдавливая, проваливая смех в горло, потому — робко — неуверенно — естественно, точно стесняясь.)

— “Т. е. кого — его?” (Пауза) — “Покойника?”

— “Да.”

— “Во первых а здесь сам живу без прописки, во вторых — куда же я его помещу?”

— “Я думала, — в проходной комнате.”

— “Т. е. там, где я развешиваю хлеб?”

— “Да. — Не надолго, на неделю, она наверное скоро найдет квартиру.”

— “Но он в неделю отравит мне весь воздух. Нет, не могу, отказываюсь.”

— “Я так и думала”, (и, не унывая:) — “тогда у меня другая просьба: не могли ли бы Вы его нарисовать, так, по памяти?”

— “?” —

— “П<отому> ч<то> карточки нет, а сам он сейчас ужасно непохож. — Так... скомбинировать...” затем, побезумившись, изложила, в чем дело»^{xxxi}.

Вероятно, подобных розыгрышей было немало, но постепенно Цветаева от них отказалась, хотя за глаза могла и поехидничать (что видно из эпизода ее позднего свидания с Ахматовой, перед которой она разыгрывала сценку, как Пастернак выбирает для жены платье в Париже). Незадолго до смерти в открытом «Письме детям» она писала: «Никогда не бойтесь смешного, и если видите человека в смешном положении: 1) постарайтесь его из него извлечь, если же невозможно — 2) прыгайте в него к человеку, как в воду, вдвоем глупое положение делится пополам: по половинке на каждого — или же на *худой* конец — не видите смешного в смешном!»^{xxxii}.

Смена ориентиров. Нам почти неизвестны розыгрыши Цветаевой после 1926 г. И это не только следствие предварительности настоящего исследования, но и свидетельство глубокой перестройки жизни и творчества Цветаевой в середине 20-х гг. Из жизни Цветаевой почти уходят любовные романы, а из ее творчества — лирическая поэзия (малые жанры); на первый план выходит проза: «Прозу люблю почти так же, как и стихи,

и отнюдь не придаю ей оскорбительного общепринятого значения. <...> Проза — проработанная в слове жизнь. То есть, как всякое завершение, уже над-жизнь»^{xxxiii}.

В прозе Цветаевой много юмора и мифологизации прошлого, но не всякий юмор основан на розыгрыше, а мифологизация стремится избежать разоблачения, тогда как в розыгрыше разоблачение — необходимый пуант, который следует за мистификацией. Тут следует оговориться, что разоблачение не обязательно должно быть адресовано «жертве» розыгрыша (шутнику бывает достаточно внешнего наблюдателя, зрителя, читателя), но так или иначе вторая фаза розыгрыша необходима; в противном случае перед нами просто обман или мифологизация. Розыгрыш двухчастен. Если же две стадии розыгрыша синхронным, розыгрыш принимает форму иронии или сарказма (в классическом случае ирония сопутствует второй части розыгрыша).

В цветаевской прозе к розыгрышам, Наверное, в какой-то степени, можно отнести реминисценции к современности, замаскированные под мемуары (например, случай со шпилькой в адрес критика Александра Яблоновского, описанный Светланой Корниенко^{xxxiv}). Но в целом господствует иная тенденция. Цветаева отрешается от мистификаций, о своих розыгрышах упоминает дозированно, и многие свои шутки, в том числе — достаточно эффектные, опускает. Так, например, она не вспоминает, как в театральной курилке пустила струю дыма в сторону Брюсова с комментарием: «Фимиами!». Об этом мы знаем только из воспоминаний Е. Кривошапкиной «В Феодосии»^{xxxv}.

Селекцию проходят гораздо более невинные формы обмана, которые приобретают качество «розыгрыша» уже ретроспективно, благодаря авторским признаниям. Однако можно допустить, что для Цветаевой они имели внутреннее качество юмора, как справедливо пишет Лина Кертман, уже в момент исполнения. Так, Цветаева описывает, как отпустили из-под стражи ее «сводного» деда Д. И. Иловайского, что сопровождалось следующим диалогом с сочувствующим красноармейцем: «”Ему правда, девяносто лет?” Я, чтобы хоть чем-нибудь отблагодарить: “Девяносто восемь”»^{xxxvi}.

Таким образом, цель данного розыгрыша — не посмеяться над доверчивостью, а - замаскировать ошибку. Это в каком-то смысле анти-розыгрыш, инверсия розыгрыша в моральном смысле. На этом Цветаева настаивала и в «Истории одного посвящения», предлагая свой комический (и также мистифицированный) образ О. Э. Мандельштама взамен комического образа, созданного в прозе Г. Иванова. Поэтика соответствующей части цветаевского эссе основана плодотворной разнице чувства юмора двух писателей.

Цветаева склонна оправдывать только розыгрыши «во благо», хотя ее реальная практика (особенно до 30 лет) была богаче. Заметим, что «во благо» можно понимать и в материальном плане («блеф»), но такого рода розыгрыши либо выходили за рамки игрового поведения (принимая характер расчетливой манипуляции), либо разыгрывались только в юморитической переписке. Так, 16 ноября 1924 г. Цветаева, ожидающая ребенка, в ответ на предложение О. Е. Колбасиной-Черновой устроить ее творческий вечер, предлагает следующее: «Вечер — в мою пользу, да! Но без моего присутствия. И я Вас серьезно буду просить об этом, дорогая Ольга Елисеевна, *post factum*, когда тайное станет явным. Убеждена, что не откажутся выступить ни Зайцев Борис (бррр!), ни еще какие-нибудь Борисы — можно даже будет внушить З<айце>ву, что *мой* Борис <...> в его честь. (NB! Вот удивится!)»^{xxxvii}.

Почительные розыгрыши. К особой категории розыгрышей следует отнести розыгрыши из педагогической практики, приобретающие «притчевый» характер. Так, из детских дневников А.С. Эфрон известен факт, что в мае 1919 г. Цветаева устроила своей дочери испытание, заставив взять в руки «червяка»: «“Аля, Аля, иди скорей сюда!” Я иду к ней и вижу — на кухонной тряпке лежит мокрый червяк. А я больше всего боюсь червяков. Она сказала: “Аля, если ты меня любишь, ты должна поднять этого червя”. <...> Я кладу его на стол и говорю: “Теперь Вы правда поверили, что я Вас люблю?” “Да, теперь я это знаю. Аля, ведь это был не червяк, а внутренность от пайковой селедки. Это

было испытание”. Я обиделась и говорю: “Марина, я Вам тоже скажу правду. Чтоб не взять червя, я готова была сказать, что я Вас ненавижу”»^{xxxviii}.

Эту историю сама Цветаева не вспоминала, зато рассказывала, как ей доводилось «воспитывать» собственных учителей, когда она сдавала в либеральных гимназиях историю по «устаревшим» учебникам монархиста Д.И. Иловайского: «”Вы отлично подготовлены. По каким источникам вы готовились?” — “По Иловайскому”. Либеральный педагог, ушам не веря: “Как? Но ведь его учебники совершенно устарели! (Пауза, наполненная всяческими размышлениями). Во всяком случае, вы прекрасно осведомлены. И, несмотря на некоторую односторонность освещения, я вам ставлю...” — “Пять”, — мысленно подсказываю я. Эту шутку я повторяла в каждой гимназии, куда поступала, а поступала я постоянно. Так, столь ненавистный стольким школьным поколениям “Иловайский” — источник не одной моей, школьницы либеральных времен, пятерки»^{xxxix}.

Таким образом, розыгрыш является одной из устойчивых и многофункциональных форм игрового поведения Цветаевой, больше свойственной первой половине ее жизненного и творческого пути, но получившей отражение и в ее позднем творчестве, преимущественно в прозе, однако с существенными поправками^{xl}.

Примечания

ⁱ *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки. В 2 т. Т.2: 1919-1939 / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и М. Г. Крутиковой; Ред.-издат. совет: Красовская Э.С. и др. М.: Эллис Лак, 2001. С. 37.

ⁱⁱ *Шевеленко И. Д.* Литературный путь Цветаевой: Идеология — поэтика — идентичность автора в контексте эпохи. М.: НЛЮ, 2002. С. 16–17, 133–141, 173, 210, 438.

ⁱⁱⁱ *Боровикова М.* Поэтика Марины Цветаевой (лирика конца 1900-х –1910-х годов). Тарту: Tartu Ülikool, 2011; др. авт.

^{iv} *Клинг О. А.* Поэтический мир Марины Цветаевой. В помощь старшеклассникам, абитуриентам, преподавателям. 2-е изд. М.: Изд-во Московского университета; Изд-во «Учебная литература», 2004.

^v *Ревзина О.Г.* Самосознание Цветаевой в борисоглебский период // Борисоглебье Марины Цветаевой: Шестая цветаевская междунар. науч.-темат. конф., 9–11 окт. 1998 г. Сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. С. 103–109.

^{vi} *Боткина Н.* Особенности структуры повествования в письмах: эпистолярный мир Марины Цветаевой. Доктор. дисс. ... филология. Вильнюс, 2011; *Лосская В.* Маски, личность, лик в творчестве Марины Цветаевой // Марина Цветаева: время и место. XVII и XVIII Цветаевские чтения в Болшеве: Сб. материалов. Сост. Л. А. Мнухин. г. Королев; М.: Музей М. И. Цветаевой в Болшеве, 2007. С. 129–141; *Жогина К.Б.* Марина Цветаева и Павел Флоренский: личные параллели и общность взглядов // Марина Цветаева:

Эпоха, культура, судьба: Десятая цветаевская междунар. научно-темат. конф. (9–11 октября 2002 г.). Сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2003. С. 99–110; *Тугова Е. В.* «Преображенный быт»: Опыт историко-литературного комментария десяти поэм М. Цветаевой. Вологда: «Русь», 2000. С. 14; *Эткинд А., Грельц А.* Недосказанное о неосуществленном: из чего сделан «Пленный дух» Цветаевой // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 94–118.

^{vii} *Войтехович Р.С.* Цветаева о «спартактстве» // Войтехович Р.С. Марина Цветаева и античность. М.: Дом-музей Марины Цветаевой; Тарту: Тартуский ун-т, 2008. С. 185–202.

^{viii} *Рудик И.* Русская тема в сборнике Марины Цветаевой «Версты. Стихи. Выпуск I» (1922 г.). Тарту: Tartu Ülikool, 2014.

^{ix} См. например: *Блищ Н. Л.* Шифры взаимных умолчаний: А.М. Ремизов и М.И. Цветаева // Актуальная Цветаева – 2012: XVII междунар. науч. темат. конф. (Москва, 8–10 окт. 2012 г.). Сб. докл. / сост. И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2014. С. 385–396; *Войтехович Р.С.* Смешная Цветаева // Лирика Марины Цветаевой. XIII междунар. научно-темат. конф. (9–12 октября 2005 года). Сб. докл. М., 2006. С. 43–53; *Ельницкая С.* Поэтический мир Цветаевой: Конфликт лирического героя и действительности. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1990; *Дзуцева Н.В.* Пересечение границ: М. Цветаева и Вяч. Иванов // Дзуцева Н.В. Время заветов: Проблемы поэтики и эстетики постсимволизма / Иван. гос. ун-т. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1999. С. 59–67; *Дзуцева Н.В.* Поэтология М. Цветаевой: стихия, демон, игра / Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой. XII междунар. научно-темат. конф. (9–11 октября 2004 года). Сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. С. 91–101; *Дзуцева Н. В.* Игра как принцип творческого поведения в поэтическом сознании М. Цветаевой // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. С. 81–90; *Кертман Л.*

- «Диккенсовские» и «достоевские» мотивы в мире Марины Цветаевой // Лики Марины Цветаевой. XIII междунаучно-тем. конф. (9–12 октября 2005 года). Сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. С. 241–252; *Кертман Л.* Стихия юмора в автобиографической и эпистолярной прозе Марины Цветаевой // Марина Цветаева: время и место. XVII и XVIII Цветаевские чтения в Болшеве: Сб. материалов. Сост. Л. А. Мнухин. г. Королев; М.: Музей М. И. Цветаевой в Болшеве, 2007. С. 25–33; *Корниенко С.Ю.* Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин – Марина Цветаева. Диссер. ... доктора филол. наук. М., 2014; *Кудрова И.* О Марине Цветаевой: Эссе. Письма. СПб: Изд-во Союза писателей Санкт-Петербурга, 2013; *Ляпон М.В.* Семантика парадокса (М. Цветаева: проза, дневники, письма) // Марина Цветаева: личные и творческие встречи, переводы ее сочинений. Восьмая цветаевская междунаучно-тем. конф. (9–13 октября 2000 года). Сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2001. С. 255–263; *Мейкин М.* Марина Цветаева: поэтика усвоения. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997; *Мнухин Л.* Эпистолярное искусство Марины Цветаевой // Марина Цветаева и Франция: Новое и неизданное / Под ред. В. Лосской и Ж. де Пройар. М.: Русский путь; Париж: Institut d'études slaves, 2002. С. 67–81; *Невзорова И.* «...Связь через сны». Марина Цветаева и Алексей Ремизов // Марина Цветаева в XXI веке: XIII и XIV Цветаевские чтения в Болшеве (2001, 2002 гг.): Сб. докл. М.: Музей М. И. Цветаевой в Болшеве, 2003. С. 264–287; *Осипова Н.О.* «Моцартианский миф» в поэтическом сознании М.Цветаевой (К художественной рецепции «Маленьких трагедий» А.С.Пушкина) // Седьмая цветаевская междунаучно-тем. конф. (9–11 октября 1999 года). Сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. С. 97–106; *Осипова Н.О.* Лирика М.И. Цветаевой в контексте смеховой культуры / Лики Марины Цветаевой. XIII междунаучно-тем. конф. (9–12 октября 2005 года). Сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. С. 54–62; *Смит А.* Марина Цветаева о творческой эволюции и интуитивном мышлении (в свете теорий Анри Бергсона) // Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой: XII Междунаучно-тем. конф. (9 – 11 октября 2004 г.): Сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. С. 25–35 и др.
- ^x *Войтехович Р.С.* Цветаева и Гераклит // Ук. соч. С. 244–259.
- ^{xi} *Волошин М.А.* Аполлон и мышь (творчество Анри де Ренье) // Волошин М.А. Лики творчества / Сост. В.А.Мануйлов, В.П.Купченко, А.В.Лавров. М.: Наука, 1988, серия Литературные памятники. С. 98–99.
- ^{xii} *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6: Письма/Сост., подгот. текста и коммент. Л.А. Мнухина; Вступ. ст.А.А. Саакянц. М.: Эллис Лак, 1995. С. 18–19.
- ^{xiii} Там же. С. 42.
- ^{xiv} *Войтехович Р.С.* Психея в творчестве М. Цветаевой: эволюция образа и сюжета // Ук. соч. С. 41–43.
- ^{xv} *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7: Письма/Сост., подгот. текста и коммент. Л.А. Мнухина; Сост. указ. Г.С. Бернштейн. М.: Эллис Лак, 1995. С. 45.
- ^{xvi} *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза/Сост., подгот. текста, послесл. и коммент. А.А. Саакянц и Л.А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 175.
- ^{xvii} *Цветаева А.И.* Воспоминания. В 2 т. Т. 1. 1898–1911 годы/Подгот. Ст.А. Айдиняном. М.: Бослен, 2008. С. 619–629.
- ^{xviii} *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6: Письма/Сост., подгот. текста и коммент. Л.А. Мнухина; Вступ. ст.А.А. Саакянц. М.: Эллис Лак, 1995. С. 49.
- ^{xix} *Цветаева А.И.* Указ. соч. С. 23.
- ^{xx} Марина Цветаева в воспоминаниях современников. [Т.3]: Возвращение на родину/Сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. Л.Мнухина, Л.Турчинского. М.: Аграф, 2002. С. 239.
- ^{xxi} *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза/Сост., подгот. текста, послесл. и коммент. А.А. Саакянц и Л.А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 456.
- ^{xxii} Марина Цветаева в воспоминаниях современников. [Т.2]: Годы эмиграции/Сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. Л.Мнухина, Л.Турчинского. М.: Аграф, 2002. С. 245.
- ^{xxiii} *Цветаева М.И.* Неизданное. Сводные тетради/РГАЛИ; Дом-музей М.Цветаевой; Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко. М.: Эллис Лак, 1997. С. 227.
- ^{xxiv} Там же. С. 230.
- ^{xxv} Марина Цветаева в воспоминаниях современников. [Т.1]: Рождение поэта/Сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. Л.Мнухина, Л.Турчинского. М.: Аграф, 2002. С. 56–57.
- ^{xxvi} Там же. С. 14.
- ^{xxvii} *Цветаева М.И., Рильке Р.М.* Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке/Подгот. текстов, сост., предисл., пер. примеч. К. Азадовского. СПб.: Акрополь, 1992. С. 52–56.
- ^{xxviii} Там же. С. 58.
- ^{xxix} *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Стихотворения [1906–1920 гг.]/Сост., подгот. текста, послесл. и коммент. А.А. Саакянц и Л.А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 177.
- ^{xxx} Марина Цветаева в воспоминаниях современников. [Т.1]: Рождение поэта/Сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. Л.Мнухина, Л.Турчинского. М.: Аграф, 2002. С. 98–99.

-
- xxxі *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки. В 2 т. Т.2: 1919-1939 / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и М. Г. Крутиковой; Ред.-издат.совет: Красовская Э.С. и др. М.: Эллис Лак, 2001. С. 193.
- xxxіі *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7: Письма/Сост., подгот. текста и коммент. Л.А. Мнухина; Сост. указ. Г.С. Бернштейн. М.: Эллис Лак, 1995. С. 647.
- xxxііі Там же. С. 557.
- xxxіv *Корниенко С.Ю.* Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин – Марина Цветаева. Диссер. ... доктора филол. наук. М., 2014. С. 182–222.
- xxxv Марина Цветаева в воспоминаниях современников. [Т.1]: Рождение поэта/Сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. Л.Мнухина, Л.Турчинского. М.: Аграф, 2002. С. 96.
- xxxvі *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы/ Сост., подгот. текста, послесл. и коммент. А.А. Саакянц и Л.А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 135.
- xxxvіі *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6: Письма/Сост., подгот. текста и коммент. Л.А. Мнухина; Вступ. ст.А.А. Саакянц. М.: Эллис Лак, 1995. С. 689.
- xxxvііі *Эфрон А.С.* История жизни, история души: В 3 т. Т. 3. Воспоминания, проза, стихотворения, устные рассказы, переводы / Сост., подгот. текста, подгот. ил., примеч. Р.Б. Вальбе. М. : Возвращение, 2008. С. 44–45.
- xxxіx *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы/ Сост., подгот. текста, послесл. и коммент. А.А. Саакянц и Л.А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 109.
- xl За помощь в работе над статьей благодарю И. Г. Башкирову.